

В. Н. Давыдов

**СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА
И РЕЖИМЫ АВТОНОМНОСТИ:
ОТНОШЕНИЯ ЭВЕНКОВ И ГОСУДАРСТВА НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ***

АННОТАЦИЯ. Эвенки всегда жили в местах культурных взаимодействий и контактов. Практически не было мест, где они находились бы в изоляции, не вступали бы во взаимоотношения с соседями и государственными органами управления. В данной статье трансформация мобильности эвенков Северного Байкала рассматривается как результат сложных взаимодействий, происходящих в контексте совмещения различных темпоральностей — способов организации перемещений и практик во времени (первый связан с мобильностью охотников и оленеводов, второй проявляется благодаря присутствию государства). Каждый институт и социальная группа обладают своей особой темпоральностью. Попытка объединения различных темпоральных режимов приводит к появлению новых форм мобильности местного населения. Совместные перемещения с оленями, знания об окружающей среде и специальные навыки давали эвенкам возможность длительного автономного существования. Появление новых центров перераспределения ресурсов неизбежно влекло за собой изменение стратегий использования пространства эвенками и влияло на изменение степени их автономности от государственных институтов. В результате налаживания системы государственного снабжения и строительства инфраструктуры эта автономность постепенно уменьшалась. Рассмотрение данного процесса позволяет проанализировать качественные изменения практик мобильности эвенков Северного Байкала, отличительной чертой которых становится рост маятниковых перемещений между местами интенсивного использования.

Полевые исследования проводились в Северобайкальском районе Республики Бурятия в 2007–2009, 2012–2014 и 2017–2018 гг. Общая продолжительность полевой работы в регионе — более 15 месяцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мобильность, использование пространства, автономность, темпоральность, переход к оседлости, государство, инфраструктура, эвенки Северного Байкала

УДК 39(57)

DOI 10.31250/2618-8600-2018-46-66

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич — к.с.н., PhD in Anthropology, заведующий отделом этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Сибирь отличает сложный культурный, этнический, религиозный и языковой состав населения. Она всегда являлась территорией активного межкультурного взаимодействия, где происходил интенсивный обмен опытом, знаниями и навыками между местным и пришлым населением. Имеющиеся на ее территории ресурсы постоянно притягивали много переселенцев, которые включались в жизнь местного населения и становились его частью, усваивая навыки выживания в новой среде. Важную роль в процессе освоения отдельных территорий Сибири сыграли эвенки. Неразвитость транспортной инфраструктуры, отдаленность некоторых районов от региональных центров сформировали особые модели отношений между государством и местным населением. Эвенки служили мостом, соединявшим государство с конкретными локальностями, которые могли служить опорой для создания транспортных артерий и налаживания процесса добычи полезных ископаемых. Миграции, строительство и обслуживание инфраструктуры, а также изменения в государственном аппарате и системе политико-административного управления оказывали сильное воздействие на практики освоения пространства эвенками. В процессе трансформации институтов власти различные эвенкийские группы оказались разделенными государственными и внутренними административными границами, что способствовало формированию разнообразных локальных идентичностей. Появление новых центров перераспределения ресурсов неизбежно меняло модели использования пространства местным населением.

Основной целью данной статьи является анализ отношений эвенкийского населения и государства на Северном Байкале в процессе реализации проектов индустриального развития и строительства инфраструктуры. Трансформации мобильности эвенков Северного Байкала рассматриваются как результат сложных взаимодействий, включивший совмещение различных темпоральностей — способов организации перемещений и практик во времени. В рамках данного процесса менялся и режим автономности живущих в тайге групп.

Для таежных кочевых сообществ характерна высокая степень автономности, которая во многом обеспечивалась навыками использования окружающего ландшафта и местных биоресурсов. В случае флуктуаций в годовом количестве ресурса они умели переключаться на новые виды деятельности, максимально используя те возможности, которые предоставляла им окружающая среда. Это позволяло быть менее зависимыми от одного вида ресурсов или от внешнего снабжения. В случае взаимодействия с государством всегда происходило сужение спектра потенциальных ресурсов в пользу более интенсивного их использования. Налаживались каналы снабжения, что в свою очередь привязывало

эвенков к определенным местам и делало их более зависимыми от коммуникации с представителями власти. Появление централизованного снабжения и инфраструктуры, являясь частью патерналистской политики государства, оказали существенное воздействие на изменение моделей использования пространства эвенками.

Жизнь эвенкийских охотников и оленеводов базируется на сочетании динамического и статического способов организации среды (Сирин 2002: 93–217). Эвенками были выработаны особые модели землепользования, позволяющие долгое время обходиться без возвращения к местам перераспределения ресурсов. Способность автономного существования в определенные промежутки времени являлась обязательным условием перекочевков. Все необходимое для жизни и работы имущество эвенки перевозили с собой, обеспечивали себя продуктами питания, производили одежду и находили строительные материалы в тайге в непосредственной близости от мест своих текущих стоянок, перемещаясь небольшими группами. Многие авторы писали о важнейшей роли, которую играл олень в обеспечении эвенков питанием, материалами для изготовления одежды и покрывал для жилищ, помогая преодолевать им большие расстояния, перевозя грузы. По словам В. А. Туголукова утилизация оленьей продукции у эвенков представляет собой пример уникальной «интенсивности» (Туголуков 1969: 81). Можно также упомянуть символическое значение этого животного, его роль в мировосприятии, а также в отношениях с духом-хозяином места и хозяином верхнего мира (Василевич 1957: 170–185). Именно благодаря совместным перемещениям с оленями люди были способны поддерживать автономное существование. Эти животные не только обеспечивали человека возможностью транспортировки грузов, но и требовали от него мобильности в поисках подходящих пастбищ. Постоянные совместные перемещения позволяли отыскивать новые ресурсы для пропитания и использования в качестве топлива. При этом сохранялись пастбища, такие практики препятствовали истощению местных ресурсов. Периодические перекочевки позволяли более экономично осваивать имеющиеся ресурсы, сохраняя их для использования в будущем.

Инструменты и вещи эвенков были хорошо адаптированы для постоянных перемещений, а сами они хорошо владели технологиями оперативного ремонта одежды, средств передвижения и построек в условиях постоянной мобильности и отсутствия дополнительного снабжения. «Одежда, утварь, весь немногочисленный хозяйственный инвентарь приспособлены для удобного передвижения по тайге; от складного жилища-юрты, до колыбели ребенка — все легко выючится на оленя, портативно, неломко...», все было приспособлено для обеспечения повседневных нужд эвенков (Малых 1925: 8). Степень автономности увеличивалась за счет умений эвенков запасать продукты впрок — они владели технологиями вяления мяса и рыбы.

В XX в. происходит существенное изменение стратегий использования пространства эвенками. Отличительной чертой этой трансформации стало более интенсивное использование мест стоянок и общее уменьшение количества перекочевков. В результате длительного пребывания на одной стоянке (ставшего характерной чертой землепользования местных общин в 2000-е гг.) у оленеводов Северного Байкала, в этих местах стремительными темпами происходит истощение пастбищ, вырубаются лес, который использовали для строительства и в качестве топлива. Необходимость постоянных возвращений в определенные точки пространства по-новому структурировала перемещения эвенков, делая их все более и более зависимыми от внешнего снабжения привязывая их к определенным территориям и задавая направления маршрутов.

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЖИМОВ АВТОНОМНОСТИ

Отношения эвенков с государством всегда предусматривали изменения в режимах автономности. С формированием институтов государственного управления и строительством инфраструктуры постепенно формировались новые способы освоения территории, происходило изменение структуры мобильности местного населения, поскольку в рамках этого процесса создавались определенные центры распределения ресурсов, требовавшие постоянных маятниковых перемещений между местами хозяйственной деятельности и центрами распределения. Именно необходимость возвращения в одну и ту же точку пространства в определенное время привязывала людей к осваиваемым ими территориям. Она сопровождалась построением моделей администрирования, требующих присутствия конкретных людей в определенном месте, делая процесс перемещения эвенкийских групп в пространстве (изменение территории хозяйственной деятельности) менее интенсивным.

Появление новых баз и мест, где можно было перераспределять и хранить запасы продовольствия и вещи приводило к изменению режима автономности, постепенно исключая характерный для кочевых сообществ «принцип автономной мобильности» (Головнёв 2017: 11), позволявший варьировать, менять интенсивность и направление движения в зависимости от ситуации. Мобильность эвенков постепенно приобретала черты «сложной комбинации присутствия и отсутствия» (Урри 2012: 147) людей, животных и вещей в определенных интенсивно используемых местах — поселках и базах. При этом все их перемещения стали осуществляться в рамках ограниченной территории.

Постепенно происходило «сужение» ареала перекочевков. С. М. Широкогоров в монографии «Социальная организация северных тунгусов» развивал идею тунгусского «культурного комплекса» и его трансформации под влиянием соседних групп (Широкогоров 2017). Он описывал

сложные культурные процессы, происходящие в различных тунгусских группах, представил миграции тунгусских групп как часть единого процесса культурных трансформаций. Описанные С. М. Широкогоровым четыре миграционные волны прошли до того, как произошло «замораживание» границ административных единиц. После создания инородческих управ и усиления контроля миграций населения со стороны государства подобные перемещения тунгусских групп стали маловероятны, а кочевание эвенков ограничилось необходимостью постоянных посещений административных центров.

Действительно, многие тунгусские группы постоянно осваивали новые территории обитания. При этом их представители всегда устанавливали контакты с другими группами, часто осваивая несколько языков. На Северном Байкале эвенки жили по соседству с русским населением и бурятами и сумели инкорпорировать отдельные элементы их культуры. Эвенками были выработаны универсальные адаптивные механизмы, позволяющие легко обосноваться на новом месте и включиться в систему обмена с окружающими группами, причем социальные отношения выстраивались не только с людьми, но и с животными, ландшафтом, а также духами-хозяевами мест (Широкогоров 2017).

В прошлом было возможно не только поддержание самого кочевого образа жизни на определенной территории — эвенки могли выбирать ареалы для кочевки. Иными словами, набор годовых перемещений не был жестко привязан к определенной территории, он мог меняться в случае истощения ресурсов. Многие эвенкийские группы раньше кочевали на отличных от текущего местонахождения территориях. Согласно легендам эвенков Северного Байкала, киндигирские эвенки были приведены в эти места шаманом, то есть переселились из другого места (Неупокоев 1926: 30). С появлением и совершенствованием административного аппарата такие перемещения эвенков становились все менее и менее возможными. Административная практика неминуемо привязывала маршруты кочевания к определенной территории, требуя от них периодических возвращений в точку, где располагались местные органы власти.

Эвенки могли поддерживать свою автономию именно за счет воспроизводства навыков, позволявших добывать пропитание в тайге. При этом основные орудия труда они изготавливали самостоятельно (Туголуков 1969: 66). В некоторых местах эвенкийские кузнецы умели выплавлять железо из руды (Там же). Подобные навыки и хорошее знание местного ландшафта позволяли увеличивать степень автономности, давали возможность осуществлять длительные перекочевки без обмена с представителями других групп. Кроме того, минимальное количество перевозимых с собой вещей компенсировалось навыками их применения, умением производить все необходимое на стоянках и прямо во время движения, а также полифункциональностью различных

инструментов, покрышек, одежды и средств передвижения (Головнёв 2017: 13–14).

В понимании кочевников невозможно отделить время от пространства (Там же: 7), а сам подвижный образ жизни способствует восприятию пространства и времени в неразрывной связи, и одно мыслится через другое (Сирина 2012: 338). В дискурсе государственной администрации пространство и время часто репрезентируются отдельно. Пространство представляется по аналогии с картой, а время — как некая линия, на которой можно выстроить разные события, связанные с определенным местом. У эвенков время мыслится через пространственные перемещения, а расстояние может измеряться с помощью темпоральных характеристик. Например, расстояние меряют в «днях пути», для пеших перемещений может быть использовано выражение «ходить обудёнком» — его на Северном Байкале и в Забайкалье употребляют по отношению к однодневному пешему походу в определенное место с возвращением в ту точку, откуда было начато движение.

В быту эвенки-оленоводы и охотники стараются избегать всего, что могло бы их надолго привязать к конкретному месту. Они не берут с собой лишних вещей, по возможности оставляют часть неиспользуемого в определенных сезонах имущества в местах, куда планируют вернуться. Как писала Г. М. Василевич, для того, чтобы уменьшить вес перевозимых с собой вещей, охотники и оленеводы оставляли все тяжелое и ненужное для летних кочевков на лабазах, которые строили в узких лесных долинах на территории зимней охоты (Василевич 1968: 108). Кроме того, все таежные эвенки оставляли при перекочевках остов жилища на месте, перевозя только покрышки (Там же). Похожие наблюдения были сделаны другими исследователями на Северном Байкале (Шимкевич 1894: 5; Доппельмаир 1926: 232). Постоянное перераспределение вещей позволяет эвенкам быть более мобильными. В то же время, оставляя часть имущества в определенных местах, человек уменьшает степень своей автономности. Создается необходимость возвращения в определенную точку пространства, чтобы забрать и поменять вещи. Подобными точками стали поселки, оленеводческие и охотничьи базы, а также лабазы в тайге (рис. 1).

Изменение режима автономности было связано с тем, что в рамках ранней советской политики на Северном Байкале вводились новые принципы и формы территориального устройства: были созданы новые населенные пункты, которые сначала становились центрами промысловых артелей, а позднее — колхозов (Давыдов 2017: 163). Такие поселки превращались в центры перераспределения ресурсов, а также хранения вещей, становясь периодически посещаемыми местами.

В зависимости от степени контроля и инвестиций в инфраструктуру режим автономности может меняться в ту или иную сторону. Население может становиться более или менее зависимым от ресурсов, обеспечиваемых

Рис. 1. Лабаз для хранения продуктов. Центральная база эвенкийской общины «Улуки» на р. Номама, Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2008 г. Фото В. Н. Давыдова

и распределяемых государством. Автономность — это всегда относительная характеристика, полная автономность практически невозможна, поскольку для осуществления перемещений эвенкам требовались предметы и продукты, привезенные извне. В XX в. с началом использования новых средств передвижения появилась потребность в привозе топлива и запасных частей для них. С появлением новых транспортных средств постепенно увеличивалось количество маятниковых перемещений к определенным местам. Любая серьезная поломка стала требовать возвращения в населенный пункт, например, для проведения сварочных работ, а использование тяжелой техники также требовало, чтобы была налажена доставка топлива. Таким образом, ремонт технических средств, закупка продуктов, бензина, одежды и стройматериалов делают саму возможность перемещений охотников и оленеводов зависимой от подобных маятниковых перемещений, сопровождаемых распределением и перевозкой вещей и продуктов питания, уменьшая степень их автономности.

Государственная политика перехода к оседлому образу жизни сильно уменьшала автономность местных жителей, ориентировала их на новые, зависящие от внешнего снабжения виды деятельности. Ввиду потребности государства в пушнине (больше всего ценился мех баргузинского соболя), на Северном Байкале такой переход стал возможен только для части эвенкийского населения.

РАЗЛИЧНЫЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И СПОСОБЫ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАКТИК

Мобильность эвенков следует рассматривать как динамический процесс, происходящий в контексте перемещения большого количества акторов, а также постоянных изменений состояния окружающей среды, погодных условий и ландшафта, который не следует понимать как нечто статичное и застывшее (Ingold 1993). Каждое повседневное перемещение охотников и оленеводов организовано во времени определенным образом, то есть происходит в рамках конкретной темпоральности — режима организации практик во времени. При этом темпоральность существует не в единственном числе, можно говорить о множественных темпоральностях (Ssorin-Chaikov 2017). Каждый государственный институт или организация обладают особыми темпоральностями — предполагают особые способы размещения вещей и организации действий в пространстве, что требовало от эвенков присутствия или отсутствия в конкретных местах в определенные периоды.

Необходимость посещения интенсивно используемых мест (поселки, базы, центры распределения ресурсов, места сбыта продукции и т. д.) в определенное время является важным мотивом мобильности эвенков. Советская темпоральность была основана на динамичном, организованном в рамках определенного ритма документообороте, включающем процедуры планирования и подготовки отчетов, которые должны были свидетельствовать о количественных достижениях коллективов. Жизнь эвенкийских охотников и оленеводов во многом была связана с сезонными практиками; это предполагало перемещения, организованные в соответствии с миграциями диких и домашних животных. Возникла задача совмещения двух видов темпоральности, но оно требовало от местных жителей осуществления постоянных маятниковых перемещений между поселком и тайгой. Реализация таких перемещений стала сравнительно легко осуществимой благодаря создаваемой в рамках различных проектов инфраструктуре. В 1950–1960-е гг. в Северобайкальском районе Республики Бурятия работала Комплексная геологическая экспедиция, для функционирования которой были необходимы дороги, а также олений транспорт. Наиболее сильное влияние на местное население оказало строительство Байкало-Амурской магистрали. Построенные в рамках проектов индустриального развития дороги стали активно использоваться оленеводами. Они же стали задавать основные направления, выбираемые колхозом для выпаса стад, поскольку упрощали завоз продуктов и снаряжения для охотников и оленеводов.

В конце XIX в. эвенки возвращались в поселок Душкачан, где располагалось Киндигирское родовое управление и проводилась ярмарка, только два раза в год для того, чтобы продать продукты охоты, закупить

необходимые товары (Шимкевич 1894: 2). При этом большую часть времени охотники и оленеводы проводили в тайге. Темпоральность эвенков-охотников и оленеводов была основана на сезонных практиках и требовала длительного присутствия человека в тайге. Жители тайги постоянно отслеживали нужды оленей на новых пастбищах, наблюдали за изменениями окружающей среды. Темпоральность во многом определялась «чувствительной экологией» (Anderson 2000), связанной с наблюдением процессов в окружающей среде и рефлексией, позволяющей постоянно подстраиваться под эти изменения.

Наблюдая северобайкальских эвенков, можно составить впечатление, будто они не любят договариваться о конкретных вещах, не любят их эксплицировать, поскольку намеченные планы в тайге легко рушатся и людям часто приходится вносить коррективы. Темпоральность охотников и оленеводов, находящихся в постоянном движении, связана с рефлексивным процессом, предполагающим непрерывное обновление информации. Именно оценка текущего состояния ведет к построению цепи действий и перемещений, задает определенную их последовательность. Кроме того, постоянно происходит отслеживание перемещений множественных социальных агентов. Таежная темпоральность, таким образом, связана с непрекращающимся процессом рефлексии по поводу текущих изменений.

Эвенки обычно не заготавливают много дров впрок. Последовательность практик выстраивается на временной шкале в зависимости от набора произошедших ранее событий и перемещений. Сама мобильность эвенков имеет рефлексивный характер, а каждое перемещение, хотя и может, на первый взгляд, казаться незапланированным, основано на анализе текущей ситуации (Davudov 2017). Причем здесь учитываются предшествующие движения как самих участников перемещений, так и других социальных агентов. В целом мобильность эвенков имеет много сходств с шахматной игрой, где перемещения фигур продиктованы конкретной ситуацией игры (Там же). Перемещения эвенков — это своего рода стратегическая игра с множественными действующими лицами — людьми, животными, хищниками, а также населяющими местность духами-хозяевами. Сами перемещения продиктованы наблюдением комплексов факторов, приведших к возможности разнообразных действий в текущей ситуации. В ситуации выбора оцениваются интенции — потенциальные действия и движения различных агентов.

Иногда логика перемещений может не соответствовать устоявшемуся восприятию рациональности. В своих движениях эвенки стараются экономно расходовать энергию, не делать лишних действий. Например, автор данной статьи, работая среди оленеводов общины «Тяня» на реке Олоннокон в Олекминском районе Республики Саха (Якутия), заготовил дрова, но в этом не было необходимости и их пришлось оставить на старой стоянке, поскольку оленеводы буквально пошли за стадом, стали

Рис. 2. Корьевая юрта (чум). Оленеводческая стоянка общины «Улуки» на р. Номама, Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2008 г. Фото В. Н. Давыдова

перемещаться вниз по течению реки, поставили лагерь в новом месте. При этом никто из оленеводов до этого не мог с уверенностью сказать, когда точно они тронутся в путь: они следили за погодой и отслеживали поведение животных. Наблюдать за оленями им помогала круговая городьба, растянутая на несколько километров — часть советского инструмента рационализации оленеводческого хозяйства, призванная обеспечивать интенсивный контроль. Она была построена из стволов деревьев без применения проволоки и гвоздей, что позволяет животным легко преодолеть ее, если они больше не хотят находиться в огороженном месте. Подобные постройки, дающие животным возможность проявлять свои интенции в поиске корма, иллюстрируют характерное для оленеводов умение «чувствовать землю» (Sirina 2008). Если оленеводы видят, что животные начинают часто перепрыгивать через городьбу, они понимают, что нужно кочевать на другое место. Именно результаты наблюдения за поведением оленей в этом случае были стимулом к перекочевке.

Во многих местах городьба сочетается с природными объектами, используемыми эвенками в качестве естественных преград — склоны гор, скалы и берега водоемов. На Северном Байкале часто в качестве стоянки используют обрамленные с двух сторон горными хребтами речные долины. Местные жители называют их «узкими местами», это своего рода естественные загоны для животных. Кроме того, для стоянок оленеводы всегда выбирали места с хорошим обзором (рис. 2). Это позволяло

пастухам отслеживать перемещения животных, чтобы в нужный момент можно было принять решение о движении. Одно из таких мест, расположенное в долине реки Нюрундукан, получило название Локоть. В этом месте раньше располагались оленеводческие стоянки, а само оно отличалось характерным изгибом, позволяющим наблюдать большое пространство вокруг. Подобное место давало возможность «растянуть» скованное отрогами гор пространство, увеличивая площадь наблюдаемой территории.

Помимо различия в способах организации деятельности на временной шкале, логика государства иначе, чем местные жители, классифицирует и пространство. Государство навязывает людям особый режим организации практик использования территории и их реализации во времени. Ключевым моментом здесь является наличие административных границ. Пространство в административном дискурсе мыслится картографически, на плоскости, словно на политико-административной карте. В случае Северного Байкала подобное видение как будто «сжимало» рельеф горной тайги, уменьшая площадь поверхности, состоящей из большого числа речных долин и складок горных хребтов. Карта с разграниченными областями может рассматриваться как уменьшенная модель подобного взгляда на пространство. Неудивительно, что во многих случаях маршруты кочевания эвенков не вписывались во вновь создаваемые границы районов и регионов. Для оленеводов наиболее важным фактором являлось наличие подходящих пастбищ, а не принадлежность территории определенной административной единице. В советское время эвенкийские охотники Северного Байкала нередко уходили добывать соболя в соседний регион — на территорию Иркутской области.

Отражение различного типа территорий на кадастровой карте сильно расходится с реальной практикой землепользования эвенков. В современных условиях амплитуда перемещений охотников и оленеводов может изменяться за счет распределения территорий, отведенных для землепользования конкретной общины или предприятия. Аренда земли у государства создает предпосылки к «замыканию» перемещений на определенной площади. Многие эвенки не придерживаются официальных правил, хозяйственная деятельность по факту может осуществляться на территориях, право использования которых официально не оформлено.

НЕОДНОРОДНОСТЬ КОНТРОЛЯ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА

Советизация не была однородной и не могла одинаково охватить все отдаленные уголки Сибири. В зависимости от удаленности конкретного региона от центра возникали места с различной степенью интенсивности государственного контроля. На Северном Байкале эвенки были инкорпорированы в советский проект. Они хорошо разбирались в окружающем

ландшафте, знания о тропах и дорогах являлись частью их опыта постоянных перемещений. Государство нуждалось в подобных знаниях для налаживания добычи меха, поиска богатых полезными ископаемыми мест и строительства дорог. Многие местные охотники и оленеводы работали каюрами-проводниками в топографических и геологических экспедициях, помогали исследовать территории, находить полезные ископаемые, искать приемлемые маршруты для строительства путей сообщения, перевозили грузы в труднодоступные места в горной тайге (Давыдов 2013).

Управляющие кадры в регионе часто выбирали из местного населения. В основном по карьерной лестнице продвигались эвенки, хорошо владевшие грамотой и русским языком. Они, по словам жителя поселка Холодное, «держались к власти поближе» и служили медиаторами между остальными жителями и советским аппаратом управления. В каждом регионе модели управления адаптировались к местным условиям. На Северном Байкале была инкорпорирована модель разделения на три рода, которым соответствовали три инородческие управы: Киндигирская, Подлеморо-Шемагирская и Чильчагирская. Впоследствии все эти управы стали центрами колхозного строительства.

Местные эвенки проявляли лояльность к нововведениям, но при этом никогда не принимали их в том виде, в котором их планировали представители власти (де Серто 2013: 41–42). Похожая стратегия имеет место во многих кочевых сообществах (см.: Давыдова 2015). Примером служит советская политика перехода к оседлости, ассоциируемая с идеей модернизации (Dumont 2015). В случае эвенков Северного Байкала она так никогда и не была реализована в полной мере. Во многом это было невозможно из-за противоречивых установок государственной политики. Создавались поселки и инфраструктура, которые должны были обеспечить оседлую жизнь. В то же время государству всегда нужны были добытчики пушнины, а это в свою очередь требовало от занятых в этой сфере эвенков перемещений на большие расстояния (Забелин 1930: 55) и длительного отсутствия в поселках. По этой причине создаваемые в поселке объекты инфраструктуры часто применялись не по назначению. Построенные тут дома могли использоваться эвенками не для жилья, а в качестве «складов», помещений, где оставляли ненужные в текущий момент вещи.

Эвенки всегда старались адаптировать создаваемую в регионе инфраструктуру для реализации своих повседневных задач. Они были заинтересованы в привлечении новых ресурсов и возможностей, но в то же время старались использовать их по-своему, подлаживая под собственные нужды. При этом государство никогда не могло полностью контролировать и регламентировать все сферы деятельности местного населения. Всегда оставались «свободные пространства» (Martis 2001: 160–162; Morris 1993: 27), где местные жители воспроизводили собственные, а не навязанные извне модели. Наличие подобных не полностью

контролируемых государством «свободных пространств» позволило эвенкам активно использовать местные ресурсы, опираясь на собственные модели «неформального» природопользования и распределения ресурсов. Это помогло адаптироваться к новой экономической ситуации после развала советской системы, когда интенсивность государственного контроля стала меньше. Наличие «свободных пространств», то есть территорий, где контроль государственных структур над действиями местных жителей ослаблен, создавало саму возможность неформального природопользования, что было очень важно в 1990-е гг., в период, когда многие жители остались без работы. Они часто охотились и рыбачили с превышением квот и с применением запрещенных средств лова и незарегистрированного оружия. В эти годы не было постоянного снабжения, люди лишились стабильного дохода и вынуждены были переключиться на использование местных ресурсов, причем часто не оформляя или не регистрируя корректно с юридической точки зрения свои права на использование территорий и добычу ресурсов.

«Свободные пространства» не являются привязанными раз и навсегда к конкретному месту. Их темпоральность зависит от последовательности осуществления практик контроля со стороны государства. Текущая локализация «свободных пространств» может меняться в зависимости от ситуации. Навыки автономного существования в тайге в сочетании с мобильностью позволяли местным жителям находить пространства с меньшей степенью государственного контроля, там можно было придерживаться своих собственных моделей землепользования.

Благодаря наличию «свободных пространств» местные жители получили возможность самостоятельно осваивать природные ресурсы, несмотря на развал советской экономической системы, прекращение постоянного снабжения и закрытие государственных предприятий, занимавшихся их добычей. Способы эксплуатации ресурсов охотниками и рыбаками во многом зависят от их навыков и умений, среди которых особенно важны навыки перемещения и ориентирования.

ЖИЗНЬ В ДВИЖЕНИИ И ПОСЕЛКОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: НОВЫЕ ФОРМЫ МОБИЛЬНОСТИ

Жизнь эвенка — постоянные перемещения. Следует обратить внимание на идею свободы передвижений, которую часто эксплицировали информанты, сравнивая поселок и жизнь в тайге. Но настолько ли свободны эти люди? Жизнь в движении требует наблюдательности от человека и подразумевает рефлекссию над изменениями в окружающей среде. Во многом перемещения охотников и оленеводов продиктованы рациональным выбором.

При кочевании семьями не было необходимости в частых возвращениях в поселок. В качестве дома выступало мобильное жилище в тайге. В советский период происходит изменение самого понятия «кочевание» (Туголуков 1969: 90). Стратегии освоения пространства оленеводами и охотниками изменились в рамках советской политики. Их перемещения стали осуществляться бригадами и звеньями, а не отдельными семьями. Таким образом, оленеводство и охота постепенно перешли к модели вахтовой работы (Головнёв и др. 2015: 57), когда семья остается в поселке, а охотник и оленевод большую часть времени проводит в тайге, постоянно возвращаясь в поселок.

При формировании новой вахтовой модели происходит отчуждение человека от его мобильного жилища и используемых мест в тайге. Кроме того, он ориентируется на маятниковые поездки в поселок. Работника постоянно подменяют его коллеги, родственники и друзья — на время отпуска или необходимого отъезда в деревню. Такая практика постепенно делала работника легко заменяемым: временно отсутствующего охотника или оленевода можно было кем-нибудь заменить. В рамках этой модели постепенно разрушалась привязка человека к определенной малой группе, трудовому коллективу и территории. В результате современные общины, где не производятся постоянные выплаты заработной платы, периодически наполняются новыми работниками, постоянно происходит смена состава. Например, эвенки поселка Холодное часто переходят работать из одной общины в другую. При этом они не стремятся оформить свои переходы документально. Они могут состоять в одной общине, а работать в другой. Довольно часто временные работники вообще не состоят ни в какой общине. Нежелание постоянно оформлять документы привело к тому, что одна из общин вообще перестала этим заниматься, потеряв право аренды пастбищ и охотничьих угодий, но продолжая использовать их без всякого оформления бумаг.

При изменении кочевого образа жизни могут возникать новые формы движения (Головнёв и др. 2015: 41). Довольно примечательной с этой точки зрения является практика «перекочевков» в самих населенных пунктах: в Холодном движение наблюдается везде, где сконцентрирована стационарная инфраструктура. Находясь в поселке, часть охотников и оленеводов мигрируют между домами, останавливаясь у своих знакомых и родственников. Кроме того, семьи, которые постоянно живут в поселке, часто меняют место жительства и переезжают с квартиры на квартиру. Подобную форму мобильности жители поселка Холодное называют перекочевками. Некоторые семьи «кочуют» таким образом по несколько раз в год.

Частые переезды жителей из одних домов или квартир в другие можно наблюдать во многих эвенкийских поселках. Автору не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда, приезжая через некоторый промежуток времени, он обнаруживал, что знакомые сельчане жили уже в

другом месте. При этом местные жители отслеживали эти перемещения, хорошо помнили кто, когда и куда «перекочевал». Подобная мобильность в эвенкийских селах связана с тем, что охотники и оленеводы часть времени находятся в тайге, и жилые помещения могут использоваться их родственниками или знакомыми, остающимися в поселках. «Перекочевки» в рамках населенного пункта — это способ освоения инфраструктуры населением, которое не привыкло жить длительное время в одном месте. Подобные перемещения — форма обмена, а также освоения и поддержания инфраструктуры поселков при временном отсутствии в них части жителей — охотников и оленеводов.

Жители Холодного довольно часто «кочуют» с квартиры на квартиру, перевоза с собой имущество. Часть жителей (в основном из безработных и одиноких мужчин) в зимнее время объединяются в небольшие группы и живут в одном доме, ведут общее хозяйство. Это позволяет им экономить на дровах, а также вместе ходить на рыбалку и подработку, объединяя усилия. Такие временные коллективы постоянно меняются по составу, поскольку некоторые их участники могут «укочевать» в другой дом или уехать работать в тайгу.

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Рассмотрение повседневных перемещений эвенков в динамике позволяет отойти от «статичной» перспективы, в рамках которой исследователи описывали поселения и инфраструктуру как существующие отдельно от окружающего их ландшафта. Перемещения эвенков никогда не были хаотичными, но всегда представляли собой слаженную, основанную на рефлексии систему. Под воздействием проектов индустриального развития происходило ее постепенное изменение. В рамках этих проектов была построена транспортная инфраструктура, которая была инкорпорирована эвенками в повседневные практики. Использование инфраструктуры эвенками происходило в контексте их постоянных перемещений.

Мобильность эвенков предполагает использование большого количества баз, которые являются местами ночлега и хранения вещей. Подобную базам роль для кочевого населения играют населенные пункты. Не все они были построены в связи с политикой перехода к оседлому образу жизни. Многие деревни (как, например, поселки Иркана, Ченча, Сосновка, Горемыка, Душкачан (Душкачаны) и др.) появились на Северном Байкале в дореволюционный период и активно использовались эвенками в качестве мест, куда возвращались постоянно.

С появлением инфраструктуры, бывшей частью государственных проектов, эвенки начинают активно использовать новые объекты (дома, зимовья, гаражи, сараи) как места остановок и временного хранения вещей. Во многих новых поселках в период попытки перевести эвенков

на оседлый образ жизни можно было наблюдать одновременное использование мобильных и стационарных построек. Несмотря на появление домов, многие эвенки ставили юрты (чумы) неподалеку от деревянных изб. В них готовили пищу и хранили вещи (Шубин 1963: 182). Во многом это связано не только с данью традиции, но и с недостаточностью и неполнотой любого инфраструктурного проекта. Эвенкам не хватало построенных площадей, так как их хозяйственная деятельность не замыкалась на использовании домов. Жилища и постройки традиционной формы, например, были более удобны для хранения одежды и инструментов, чем избы. Они позволяли в любую погоду разводить костер и готовить там пищу традиционным способом. С появлением новых материалов подобные конструкции постепенно заменялись поварками¹ и сараями. Конические постройки использовались в качестве дополнительных площадей наряду с домами, расширяя возможности хозяйственной деятельности и хранения.

В случае использования заброшенной инфраструктуры ее постепенно полностью разбирают, а отдельные части используют в качестве строительных материалов и топлива. Например, эвенки общины «Орон» на Северном Байкале в течение многих лет использовали деревянные детали заброшенных геологами домов в качестве топлива. Из досок, снятых со старых построек оставленного жителями поселка Перевал, были возведены новые хозяйственные строения — сарай, поварка, баня; изготовлены будки для собак и навес для оленей. Непригодные для строительства деревянные части использовались в качестве топлива для поддержания тепла в избе и приготовления пищи, а также для разведения дымокуров, отпугивающих мошку и комаров в летнее время.

В научных работах кочевые эвенки, живущие в тайге, часто противопоставляются перешедшим на оседлость жителям поселков (Lavrillier 2013). Однако и в поселках, и в тайге культура не сохранилась в нетронутом виде, а модели перемещений эвенков в XX в. претерпели серьезные изменения, которые сопровождались для многих кочевых сообществ постепенной трансформацией режима автономности. В этом смысле землепользование эвенков в тайге нельзя рассматривать в отрыве от используемой ими поселковой инфраструктуры. Ее использование — это своеобразная форма возвращения к автономности. Это реализация стратегии автономного существования в тех местах, где государство когда-то поддерживало именно неавтономные способы ведения хозяйства. Ее можно рассматривать как способ автономизации, позволяющий проявить активную роль агента там, где раньше действия определялись внешними интенциями.

Практики мобильности эвенков претерпели сильное изменение под воздействием государственных проектов и административной практики.

¹ Поварка — постройка, используемая для приготовления пищи, находящаяся отдельно от дома.

Новая инфраструктура структурировала маршруты охотников и оленеводов, создав новые формы, появление которых связано с ростом роли стационарных конструкций в организации их повседневных перемещений. Государство и его политика, таким образом, всегда выступали регулятором режима автономности. Налаживание системы государственного снабжения делало эвенков зависимыми от доставляемых извне ресурсов и оказывало сильное воздействие на стратегии их мобильности, переориентируя на постоянные посещения мест распределения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие инфраструктурные нововведения эвенки использовали по-своему прагматически: они применяли все то, что позволяло выстраивать собственные модели освоения пространства. Советский проект перехода к оседлому образу жизни так и не был полностью реализован. Произошло перераспределение паттернов мобильности, где перемещения части эвенков-мужчин, занятых в основном в охоте и оленеводстве, сохранили большую амплитуду по сравнению с проживающими в поселках женщинами. Строительство инфраструктуры и создание центров распределения ресурсов привело к росту маятниковых перемещений между ними и интенсивно используемыми местами, уменьшая относительную автономность охотников и оленеводов. Государство, таким образом, воспроизводило собственную модель темпоральности, увеличивая необходимость присутствия людей в центрах распределения, создавая «разрывы» темпоральности охотников и оленеводов, преодолеваемые путем постоянной подмены одних акторов другими. Это повлияло на появление новых форм мобильности (маятниковых передвижений, обмена домами и «перекочевок» в рамках одного поселка), а также создало необходимость постоянной «ротации кадров» — последовательной миграции рабочей силы между общинами и патронами-работодателями в поселке. Подобные новые формы мобильности эвенков могут рассматриваться как стратегия сохранения энергии, обусловленная изменением режимов темпоральности (организации практик во времени) от постоянного присутствия в движении (сезонные перекочевки семьи) в состояние постоянного поиска новых опорных точек, куда можно периодически возвращаться, или, другими словами, новых интенсивно используемых мест, необходимых для осуществления перемещений.

Использование ряда подобных мест позволяет эвенкам увеличить степень автономности там, где государство ослабило свой контроль. Государственные проекты, а также создаваемое и распределяемое в их рамках имущество оказали влияние на формирование новых паттернов мобильности, основанных на маятниковых перемещениях — постоянных посещениях мест распределения ресурсов. Мобильность эвенкийских

охотников и оленеводов подразумевает не только перемещение по определенному маршруту: она стала опираться на интенсивные перемещения между поселком, базами и местами текущих стоянок.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник МАЭ. 1957. Т. 17. С. 151–186.

Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969.

Головнёв А. В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.

Головнёв А. В., Первалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург, 2015.

Давыдов В. Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем. СПб., 2013. С. 267–280.

Давыдов В. Н. Использование мобильных и стационарных построек эвенками и политика перехода к оседлому образу жизни на Северном Байкале // Социальная организация у народов Сибири: традиция и современность. СПб., 2017. С. 162–201.

Давыдова Е. А. «Процедуры потребления» государственного порядка чукчами (по материалам конца XVIII–XIX вв.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 135–138.

Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013.

Доппельмайр Г. Г. Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала: материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Доппельмайра 1914–1915 гг. Верхнеудинск; Л., 1926.

Забелин К. А. Очерки по экономике Северо-Байкальского района // Жизнь Бурятии. 1930. № 4. С. 35–57.

Малых П. Орочены баргузинской тайги // Забайкальский таежник. 1925. № 2. С. 8–10.

Неупокоев В. Большой шаман-Кындыгир (из преданий северобайкальских тунгусов) // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 28–30.

Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.; Иркутск, 2002.

Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М., 2012.

Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969.

Урри Д. Мобильности. М., 2012.

Шимкевич П. П. Орочны Забайкалья и их охота // Приложение к газете «Приамурские ведомости». 1894. № 24. С. 1–6.

Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географическом распространении и истории этих групп). М., 2017.

Шубин А. С. Современное эвенкийское село // Исследования по истории Бурятии. Труды комплексного научно-исследовательского института. 1963. № 11. С. 179–188.

Anderson D. G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000.

Davydov V. N. Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenki and Dolgan Hunters, Reindeer Herders, and Fishers // *Sibirica*. 2017. Vol. 16. № 3. P. 14–34.

Dumont A. The Many Faces of Nomadism among the Reindeer Ewenki // *Reclaiming the Forest: The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya*. New York, 2015. P. 77–100.

Ingold T. The Temporality of the Landscape // *World archaeology*. 1993. Vol. 25. № 2. P. 152–174.

Lavrillier A. Climate Change among Nomadic and Settled Tungus of Siberia: Continuity and Changes in Economic and Ritual Relationships with the Natural Environment // *Polar record*. 2013. Vol. 49. № 3. P. 260–271.

Martis K. C. The Geographical Dimensions of a New Nation, 1780s–1920s // *North America: The Historical Geography of a Changing Continent*. London, 2001. P. 143–164.

Morris A. Centuries of Black Protest: Its Significance for America and the World // *Race in America: The Struggle for Equality*. Madison, 1993. P. 19–72.

Sirina A. A. People Who Feel the Land: The Ecological Ethic of the Evenki and Eveny // *Anthropology and Archaeology of Eurasia*. 2008. Vol. 47. № 3. P. 9–37.

Ssorin-Chaikov N. V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago, 2017.

STRATEGIES OF USING THE SPACE AND AUTONOMY REGIMES: THE RELATIONS OF EVENKIS AND THE STATE IN THE NORTHERN BAIKAL

ABSTRACT. Evenkis have always lived in places of cultural interactions and contacts. There were practically no places where they would stay in isolation, without relations with their neighbors and the administrative bodies created by the state. This article analyzes the transformation of the mobility of the Northern Baikal Evenkis, approaching it as a result of complex interactions occurring in the context of combining different temporalities — specific ways of organizing movements and practices over time (first — related to the mobility of hunters and herders, second — manifested due to the presence of the state). Each institution and social group act within their own temporality. An attempt to combine different temporal regimes leads to the emergence of new forms of local people's mobility. Joint movements with reindeer, as well as environmental knowledge and skills, gave Evenkis the possibility of a long autonomous existence. The emergence of new centers for the redistribution of resources inevitably entailed a change in the strategies employed by Evenkis and affected the change in the degree of their autonomy from the state institutions. As a result of the establishment of a public supply system and the construction of infrastructure, it gradually decreased. Consideration of this process helps to investigate the qualitative changes in the mobility practices of the Northern Baikal Evenkis. A distinctive feature of these changes is an increase of the pendulum movements between the intensively used places.

KEY WORDS: mobility, use of space, autonomy, temporality, sedentarization, state, infrastructure, Northern Baikal Evenkis

Vladimir N. DAVYDOV — Candidate of Social Sciences, PhD in Anthropology, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

REFERENCES

Anderson D. G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000, 272 p. (in English).

Certeau M. de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday Life. 1. The Art of Doing]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2013, 330 p. (in Russ.).

Davydov V. N. [Mediator's Power: Kaiurs-Evenkis and the Use of Reindeer Transport in the Northern Baikal]. *Rannie formy potestarnykh system* [Early Forms of the Potest Systems]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2013, pp. 267–280. (in Russ.).

Davydov V. N. [The Use of Mobile and Stationary Structures by Evenkis and the Policy of Transition to a Settled Way of Life in the Northern Baikal]. *Sotsialnaya organizatsiia u narodov Sibiri: traditsiia i sovremennost'* [Social Organization among the Peoples of Siberia: Tradition and Modernity]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2017, pp. 162–201. (in Russ.).

Davydov V. N. Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenki and Dolgan Hunters, Reindeer Herders, and Fishers. *Sibirica*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 14–34. (in English).

Davydova E. A. [“Consumption Procedures” of the State Order by Chukchis (Based on Materials from the End of the 18th–19th Centuries)]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 19, pp. 135–138. (in Russ.).

Doppel'mair G. G. *Sobolinyi promysel na severo-vostochnom poberezh'e Baikala: materialy Barguzinskoj ekspeditsii G. G. Doppel'maira 1914–1915 gg.* [Sable Fisheries on the North-Eastern Coast of Baikal: Materials from the Barguzin Expedition of G. G. Doppel'mair 1914–1915]. Verkhneudinsk; Leningrad.: Izdatel'stvo GosplanaBMASSR Publ., 1926, 360 p. (in Russ.).

Dumont A. The Many Faces of Nomadism among the Reindeer Ewenki. *Reclaiming the Forest: The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya*. New York: Berghahn Books, 2015, pp. 77–100. (in English).

Golovnev A. V. [Arctic Ethnodesign]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 2 (55), pp. 6–15. (in Russ.).

Golovnev A. V., Perevalova E. V., Abramov I. V., Kukanov D. A., Rogova A. S., Useniuk S. G. *Kochevniki Arktiki: tekstovo-vizualnye miniatiury* [Nomads of the Arctic: Textual and Visual Miniatures]. Ekaterinburg: “Al'fa Print” Publ., 2015, 132 p. (in Russ.).

Ingold T. The Temporality of the Landscape. *World archaeology*, 1993, no. 2 (25), pp. 152–174. (in English).

Lavrillier A. Climate Change among Nomadic and Settled Tungus of Siberia: Continuity and Changes in Economic and Ritual Relationships with the Natural Environment. *Polar record*, 2013, no. 3 (49), pp. 260–271. (in English).

Malykh P. [Orochens of the Barguzin Taiga]. *Zabaikalskii taezhnik* [Zabaikal Taiga Dweller], 1925, no. 2, pp. 8–10. (in Russ.).

Martis K. C. The Geographical Dimensions of a New Nation, 1780s–1920s. *North America: The Historical Geography of a Changing Continent*. London: Rowman & Littlefield, 2001, pp. 143–164. (in English).

Morris A. Centuries of Black Protest: Its Significance for America and the World. *Race in America: The Struggle for Equality*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1993, pp. 19–72. (in English).

Neupokoev V. [Big Shaman-Kyndygir (From the Legends of the Northern Baikal Tunguses)]. *Zhizn Buryatii* [Life of Buryatia], 1926, no. 4–6, pp. 28–30. (in Russ.).

Shirokogoroff S. M. *Sotsialnaia organizatsiia severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geograficheskom rasprostranении i istorii etikh grupp)* [Social Organization of the Northern Tungus. With Introductory Chapters Concerning Geographical Distribution and History of these Groups]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2017, 671 p. (in Russ.).

Shubin A. S. [Contemporary Evenki Village]. *Issledovaniia po istorii Buriatii. Trudy kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Studies on the History of Buryatia. Proceedings of the Complex Research Institute], 1963, no. 11, pp. 179–188. (in Russ.).

Sirina A. A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenkis and Evens in the Modern World: Self-Consciousness, Nature Management, Worldview]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2012, 604 p. (in Russ.).

Sirina A. A. *Katangskie evenki v XX veke: rasselenie, organizatsiia sredi zhiznedeiatei'nosti* [Katanga Evenkis in the 20th Century: Resettlement, Organization of Living Environment]. Moscow; Irkutsk: Ottisk, 2002, 286 p. (in Russ.).

Sirina A. A. People Who Feel the Land: The Ecological Ethic of the Evenki and Eveny. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2008, no. 3 (47), pp. 9–37. (in English).

Ssorin-Chaikov N. V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2017, 167 p. (in English).

Tugolukov V. A. *Sledopyty verkhom na oleniakh* [Trackers Riding Reindeer]. Moscow: Nauka Publ., 1969, 215 p. (in Russ.).

Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis Publ., 2012, 576 p. (in Russ.).

Vasilevich G. M. [Ancient Hunting and Reindeer Herding Rituals of Evenkis]. *Sbornik MAE* [Volume of MAE]. Leningrad: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 1957, vol. 17, pp. 151–186. (in Russ.).

Vasilevich G. M. *Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenkis: Historic-Ethnographic Essays (18 — beginning of the 20th Centuries)]. Leningrad: Nauka Publ., 1969, 305 p. (in Russ.).

Zabelin K. A. [Essays on the Economy of the North Baikal Region]. *Zhizn' Buriatii* [Life of Buryatia], 1930, no. 4, pp. 35–57. (in Russ.).